

УДК 821.161.1 Державин + Тютчев.06

«РЕКА ВРЕМЕН...» У Г.Р. ДЕРЖАВИНА И Ф.И. ТЮТЧЕВА

Софья Витальевна Галян

ст. преподаватель кафедры филологического образования и журналистики

Сургутский государственный педагогический университет

628401, Тюменская обл., ХМАО-Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2. sofavit@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ стихотворений «Река времен...» Г.Р.Державина и «Смотри, как на речном просторе...» Ф.И.Тютчева. Автор ставит проблему рецептивности творчества Тютчева, которая рассматривается сквозь призму разных типов культурного сознания: классицизма и романтизма. Исследуется семантика метафоры «река времени»; исходя из библейских аллюзий указывается общий культурный источник обоих стихотворений – Книга Екклесиаста. Система композиционных, образных, пространственно-временных аналогий позволяет сделать вывод о сознательной творческой рецепции Тютчевым-лириком державинской поэтической традиции.

Ключевые слова: Г.Р.Державин; Ф.И.Тютчев; русская поэзия; сопоставительный анализ.

Г.Р.Державин и Ф.И.Тютчев – два великих свидетеля великой эпохи: один видел ее зарю, другой – исход и рождение из ее недр новой эпохи. Сходство элементов художественных систем двух поэтов было замечено в начале XX в. сразу несколькими исследователями. Первенство здесь принадлежит Ю.Тынянову [Тынянов 1977: 47] и Л.Пумпянскому [Пумпянский 2005: 434–474]. Однако целостный сравнительный анализ стихотворений Державина и Тютчева встречается редко, что и послужило основанием для предлагаемого исследования.

Стихотворения «Река времен...» Г.Р.Державина и «Смотри, как на речном просторе...» Ф.И.Тютчева объединяет и настроение, и тема, и образы. «Река времен...» – последнее стихотворение Г.Р.Державина. В примечаниях к нему Я.Грота читаем: «За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: Река времен, начал он стихотворение На тленность, и успел написать первый куплет» [Державин Т.3 1866: 235]¹. Стихотворение Ф.И.Тютчева «Смотри, как на речном просторе...» датируется 1851 г. Мотив неизбежности конца всего сущего и человека как его части объединяет оба текста, что дает нам возможность сопоставить их.

К.Ю.Лаппо-Данилевский «пересказал» лирический сюжет державинского стихотворения следующим образом: «Ничем не остановимый поток истории (он же течение времени) рассеивает память о всех человеческих свершениях, народах, царствах и монархах. Даже то небольшое, что сохраняется [в памяти поколений] благодаря

поэтам и историкам, будет поглощено смертью и не избегнет общей доли» [Лаппо-Данилевский 2000: 154]. Общий смысл стихотворения Тютчева можно передать одним предложением: как льдины тают, уплывая в море, так и «человеческое Я» неизбежно исчезает, сливается «с бездной роковой» [Тютчев Т.2. 2003: 12–13]².

Стихотворение Державина открывается образом времени как реки: «река времен» [Державин Т.2. 1866: 235]. Представление времени в виде метафоры «текущая вода, река» – давняя поэтическая традиция, восходящая к культуре барокко и закрепленная в бытовом языке такими словосочетаниями, как «течение времени», «быстротекущее время», но отнюдь не единственная: выбор образа здесь глубоко индивидуален (ср. у Пушкина: «Ямщик лихой, седое время...») [Пушкин Т.1. 1982: 93]. Поэтому наличие этой традиции не исключает необходимости рассматривать привычные образы как факт индивидуального творчества. Два поэта используют один образ для выражения одной и той же мысли. Однако стихотворение Державина нельзя назвать пейзажным: «река времен» сразу мыслилась как метафора времени, в то время как стихотворение Тютчева открывается картиной реальной реки.

Однако что для Тютчева было первичным? Вид вскрывшейся реки с несущимися по ней льдинами – а уж затем «восхождение» на уровень философского обобщения, или привычная метафора, усвоенная в детстве чтением стихотворений (в т.ч. и державинских, разумеется), «породила» поэтическую интерпретацию обычного природного явления? То есть, говоря сло-

вами М.Н.Эпштейна, что лежит в основе текста: «поэзия природы» или «природа поэзии» [Эпштейн 1990: 12]? По мнению Ю.М.Лотмана, «лирика Тютчева почти всегда инспирируется моментальным впечатлением, острым личным переживанием». Эти поэтические импульсы «Тютчев переводит ... на язык тех глубинных оппозиций, которые строят онтологию его мира» [Лотман Соч. 3. 1993: 171]. Однако Тютчева именовали поэтом-философом, «поэтом мысли». К.Бальмонт назвал его «мудрецом» [Бальмонт 1980: 690]. В стихотворении «Смотри, как на речном просторе...» мысль, уже неоднократно высказанная во многих текстах, ставшая частью мировоззрения, как будто «призывает» природные образы для подтверждения своей всеобщности: поэзия «подчиняет природу своей собственной гармонии» [Эпштейн 1990: 19]. И в этом смысле Тютчев, смотрящий на реку и размышляющий о бренности всего сущего, и Державин, сидящий в кресле у камина, в создании образа проходят один и тот же путь. Косвенно это подтверждается еще и тем, что образ реки в первой части тютчевского стихотворения вполне сопоставим с «рекой времен» Державина. Рассмотрим это подробнее.

Реальный речной пейзаж отличается от изображаемых Державиным и Тютчевым своей бесконечностью. В природе наблюдаемая река скорее видится и осознается как бесконечный поток, имеющий лишь направление течения. В сопоставляемых текстах река не имеет начала, но имеет конец. У Державина этот «конец» обозначен как «пропасть забвенья» и «вечности жерло», а у Тютчева – как «бездна роковая». Необходимо отметить многочисленные схождения смысла этих метафор, обратившись к словарному значению слов, их образующих. «Жерло – отверстие до самой глубины к.-либо пустоты, нутра; отверстие вроде провала / пасть, горло, зев» [Даль Т.1. 1989: 535]. «Бездна – неизмеримая глубина; бездонная пропасть» [там же]. К.Ю.Лаппо-Данилевский считает оригинальным «державинский перифраз "вечности жерло" (со значением "смерть")» и приводит примеры использования его в различных стихотворениях поэта [Лаппо-Данилевский 2000: 153]. Нам, однако, представляется, что смысл этого образа не ограничивается только значением «смерть». Словосочетание «жерло вечности» амбивалентно: с одной стороны, то, что «жерлом пожрется» (корневая тавтология здесь усиливает семантику), пропадет, умрет, уйдет безвозвратно; с другой стороны, «вечность» мыслится не как небытие, а, скорее, как ино-бытие. У Даля: «Вечность – состояние или свойство вечного, будущая загробная, духовная жизнь наша». [Даль Т.1. 1989: 330]. И в стихо-

творении Тютчева «всеобъемлющее море», куда «за льдиной льдина вслед плывет», также воспринимается как некое ино-бытие, противопоставляемое и жизни (бытию), и смерти. Тютчевский «хаос» как первооснова мира и как «мета» (цель) его существования смыкается с державинским «жерлом», тем более что первичное значение греческого слова «хаос» – «зев», «пасть», «зияние», «разверстое пространство» [Мифы народов мира Т.2. 1991: 579].

В середине XX в. к последнему стихотворению Державина обострился интерес в связи с догадкой М.Халле о том, что «Река времен...» – акrostих. То, что стихотворение Державина может быть понято не только как крик отчаяния человека, в конце жизни утерявшего смысл этой самой жизни, доказывают различные расшифровки словосочетания «РУИНА ЧТИ», составленного из начальных букв стихов. М.Халле интерпретирует этот акrostих как «руина (развалина) чести». Ссылаясь на работы М.Халле, К.Ю.Лаппо-Данилевский также интерпретирует смысл акrostиха как «погибель земной славы», «тленность человеческих успехов» [Лаппо-Данилевский 2000: 147].

А.А.Левицкий, однако, противопоставляет смысл стихотворения акrostиху, в котором Державин, по его мнению, «осмысляя себя в качестве руины, ... создает себе своеобразное надгробие, которое будет стоять несмотря на вечность в человеческом понимании времени». Это памятник в виде «вечно возвышающейся, как водопад над рекой жизни, руины, которую невозможно не "читать"» [Левицкий 1996: 69].

Однако существует и точка зрения, как бы «примиряющая» обе интерпретации. Н.Я.Эйдельман, не оспаривая общий смысл стихотворения (конечность, бренность славы земной и самой жизни), пишет: «...в последних строках Державина присутствует и какая-то странная радость, нет, точнее, не радость, но некий свет, приобщение к вечности. В чем тут секрет? Может быть, так: гениальные стихи даже на самую печальную тему всегда заключают в себе и выход, "бессмертья, может быть, залог". Если на свете создаются такие стихи – не все потеряно. И Державин объясняет: все проходит, уносится, пожирается, но если поэт, человек способен все это охватить, понять, то самим этим пониманием он уже как бы вечен, бессмертен» [Эйдельман 1985: 32].

В полной мере это относится и к стихотворению Тютчева. Как бы ни было тщетно «обольщение» ума человеческого заглянуть в «бездну роковую», сами эти попытки свидетельствуют о грандиозности такого желания. «Смертной мысли водомет» делает человека существом трагиче-

ски великим. Возможно, сквозь неверие в бессмертие человека, славу, которая неизбежно канет в Лету, тщетность человеческого ума имплицитно прорывается надежда на то, что за кромкой «пропасти», в «море», есть что-то, как у Пушкина, «непостижное уму», но есть. Обратим внимание на то, что слово «смерть» отсутствует в обоих текстах, а «море», «вечности жерло», «пропасть», «бездна» необязательно являются его эвфемизмами.

Исключительно интересно сопоставить и композицию двух текстов. Композиция небольшого стихотворения Державина напоминает кольцо Соломона, на внешней стороне которого было написано «все пройдет», а на внутренней, скрытой – «пройдет и это». Его также можно разделить на две смысловые части – по катренам, между которыми стоит союз «а», что подразумевает противопоставление одной части другой. Для Державина по-прежнему несомненно то, что слава поэта переживает его земное существование, «остается» после того, как «река времен» «топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей». Но по сравнению с вечностью время существования посмертной славы в любом случае ничтожно, потому что конечно и «общей не уйдет судьбы». Противопоставление снимается последним стихом.

Композиция стихотворения «Смотри, как на речном просторе...» также двухчастна: пейзаж и его философское осмысление, – что характерно для многих тютчевских поэтических текстов. М.Н.Эпштейн обращает внимание на то, что именно Державин развил «в русской пейзажной лирике прием аналогий: стихотворение строится из двух частей – пейзажно-описательной и обобщенно-дидактической. ...условность... этих изображений природы не помешали им стать важнейшей вехой на пути к натурфилософской лирике Ф.Тютчева, тоже часто использующей прием аналогии ("Фонтан" и др.)» [Эпштейн 1990: 209].

К.А.Афанасьева, размышляя о «строении» многих державинских од, дает очень точную характеристику их композиции: «Картину, созданную художником, тут же "разрушает" комментарий "философа"; авторский голос рассеивает иллюзию, порожденную поэтическим воображением» [Афанасьева 1995: 87]. Но в «Реке времен...» «картина» отсутствует, есть только «мысль». Голос философа не разрушает им же построенную картину, а говорит об ином смысле бытия, который отличается от того, что «мнит» человек.

Но так же строит текст и Тютчев. При переходе от «картины» к «мысли» первая не разрушается, но приобретает смысл, гармонию, становится причастной поэзии.

Вполне сопоставимо в стихотворениях Державина и Тютчева и художественное время. Заданное с помощью глаголов действия время в державинском тексте отчетливо делит его на два фрагмента: в первом – настоящее протяженное время (глаголы настоящего времени несовершенного вида «уносит», «топит»), во втором – два глагола будущего времени совершенного вида («пожрется» и «не уйдет»). Это созданная на грамматическом уровне «река времен», текущая и оборвавшаяся в вечность. Аналогично выстроено художественное время в стихотворении Тютчева. Несмотря на то что слова «время» (или производных от него) в тексте нет, ощущение времени очень сильно. В «пейзажной» части, как и у Державина, движение реки создается глаголами настоящего времени несовершенного вида (или глагольными формами): «плывет», «блистая», «тая». И внезапный переход – единственный глагол будущего времени («солются»), и совершенный вид этого глагола как будто свидетельствуют о неизбежности общего конца. Но два последних стиха тютчевского стихотворения вовсе лишены категории времени: они создают впечатление его отсутствия, безвременья или, если угодно, вечности.

Обратим также внимание на то, что в последних строках обоих стихотворений есть слово «судьба». У Державина: «...и общей не уйдет судьбы». У Тютчева: «Не такова ль судьба твоя?». Судьба (то, что суждено), «тесно связанная с оппозицией ... вечного и временного, ... выступает как своеобразный медиатор между ними, как способ реализации божественного в человеческом, как земной (временный) аналог небесного (вечного, бессмертного)» [Мифы народов мира. Т.2. 1991: 473].

Таким образом, «судьба» в стихотворениях обоих поэтов может быть понята не как «конец», уход в небытие, а, скорее, как процесс перехода в другое бытие.

Стихотворение Тютчева заканчивается двумя риторическими вопросами:

Не такова ль твое значение,
Не такова ль судьба твоя?

Контекстные синонимы «значение» и «судьба», усиленные синтаксическим параллелизмом, говорят о том, что именно в этом и состоит «значение» («мета», смысл, назначение, предназначение) всего, принадлежащего миру явлений. Недаром в позднейшем стихотворении Тютчева «От жизни той, что бушевала здесь...» всепоглощающую бездну поэт называет миротворной.

Мысль о тщете человеческих усилий в преддверии вечности настолько не нова, что довольно трудно отыскать первоисточник мысли, объединяющей оба текста. И если мы вправе сделать

предположение о самом раннем тексте, несомненно, известном и Державину, и Тютчеву, то это Книга Экклезиаста, Ветхий Завет. Несколько тысяч лет назад Экклезиаст, сын Давида, сказал: «Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки...» [Ек. I, 3–4].

Ужас перед собственным небытием и, как следствие, пессимистический взгляд на краткое земное существование всегда преследовал человека. Искусство способно отчасти снять страх, но лишь немногие поэты смогли выразить спокойное принятие неизбежного и мудрость человека, сумевшего заглянуть в «пропасть» и не ужаснуться. В русской литературе это в полной мере удалось Г.Р.Державину, который поднял тему конечности человеческого бытия до вершин философского осмысления и явился зачинателем традиции, развитой впоследствии многими поэтами. Ближе всего к державинской концепции «меты» человека стоял Ф.И.Тютчев. Система композиционных, образных, пространственно-временных аналогий сравнимых стихотворений позволяет сделать вывод о сознательной творческой рецепции Тютчевым-лириком державинской поэтической традиции.

Примечания

¹Далее все цитаты из стихотворения Г.Р.Державина «Река времен...» приводятся в тексте по изданию: *Державин Г.Р.* Сочинения. С объяснит. прим. Я.Грота. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1866. Т.3.

²Далее все цитаты из стихотворения Ф.И.Тютчева «Смотри, как на речном просторе...» приводятся в тексте по изданию: *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т.2.

Список литературы

Афанасьева К.А. «Одизм» или «трагизм»? Размышления на тему «Тютчев и Державин» // Тютчев сегодня: материалы IV Тютчевских чтений. М.: Изд-во Лит. ин-та, 1995. С.80–97.

Бальмонт К.Д. Сквозь строй (Памяти Некрасова) // Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Худож. лит., 1980. С.680–692.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык. 1989. Т.1. 699 с.

Державин Г.Р. Сочинения. С объяснит. прим. Я.Грота. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1866. Т.3. 784 с.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Последнее стихотворение Г.Р.Державина // Рус. лит. 2000. №2. С.146–158.

Левицкий А.А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век: сб.20. СПб.: Наука, 1996. С.47–71.

Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. Избр. ст.: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т.3. С.145–171.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А.Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т.2. 720 с.

Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И.Тютчева // Ф.И.Тютчев: Pro et contra. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. акад., 2005. С.434–474.

Пушкин А.С. Сочинения: в 2 т. / ред. И.Атанесян, А.Бабореко. М.: Худож. лит., 1982. Т.1. 365 с.

Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Ф.И. Тютчев: Pro et contra. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. С.408–424.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т.2. 640 с.

Эйдельман Н.Я. Последние стихи // Знание-сила. 1985. №8. С.28–36.

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.

«THE RIVER OF TIME...» BY G.R. DERZHAVIN AND F. I. TYUTCHEV

Sofya V. Galyan

Senior Lecturer of Philological Education and Journalism Department
Surgut State Pedagogical University

In the article two poems: «The river of time...» by G.R.Derzhavin and «Look, how on the river open space...» by F.I.Tyutchev are compared. The author raises the problem of Tyutchev's creative receptivity, which is considered through the prism of the different types of cultural consciousness: Classicism and Romanticism. On the basis of biblical allusions the author also investigates the semantics of the metaphor «river of time» and reveals a common cultural source of the both poems – The Book of Ecclesiastes. The system of compositional similarities, figurative and space-time analogies allows to conclude a deliberate creative reception of Derzhavin's poetic tradition by Tyutchev as a lyricist.

Key words: G.R.Derzhavin; F.I.Tyutchev; Russian poetry; comparative analysis.